К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)

Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the context of connections and interactions within the Eurasian cultural space (new data and concepts)

II. СВЯЗИ, КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV–I ТЫС. ДО Н. Э.)

CONNECTIONS, CONTACTS AND INTERACTIONS BETWEEN ANCIENT CULTURES OF NORTHERN EURASIA AND CIVILIZATIONS OF THE EAST DURING THE PALAEOMETAL PERIOD (4TH–1ST MIL. BC)

ББК 63.4

Организация конференции и издание материалов проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-20008

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редакционная коллегия тома II: А. В. Поляков, Е. С. Ткач (отв. редакторы), М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо, Е. А. Черлёнок, В. Я. Стёганцева, А. И. Климушина

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртveладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. H. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стеганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарёва. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 287 с.

ISBN 978-5-907053-35-9

DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019

ISBN 978-5-907053-35-9

PATTERNS OF KURGAN LANDSCAPE BETWEEN DNIESTER, PRUT AND DANUBE RIVERS

Denis A. Topal
University of High Anthropological School, Chişinău, Republic of Moldova

Keywords: *kurgans, cultural landscape, burial rite, North-Western Black Sea region, monumental features.*

The practice of construction of barrows over the buried dead appeared in the Pontic area of Eastern Europe in the Late Eneolithic (3900–3800 BC). Since that time the barrow rite had become an important part of the funeral practices among various cultures of the Bronze and Iron Ages, and Roman, Medieval and Modern periods until the turn between the 18th–19th centuries. The preliminary statistics of the excavated barrows demonstrates the existence of two main periods in the building of tumuli: the Early Bronze Age (Usatovo, Yamnaya and Catacomb cultures) and the Scythian-Sarmatian period. Over 700 kurgans (more than 5000 burials) have been excavated and published in the area between the Dniester and Prut rivers. The first barrows in this region were excavated in the late 19th century, but the peak of investigations of kurgans is documented in the 1970–1980s. Analysis of satellite photos and topographical maps composed before the spread of the excavations identified the main concentrations of barrows (over 10,000) and the linear patterns of their distribution related with the features of the natural relief. The lines of the mounds are predominantly arranged along the ridges and are oriented parallel to the riverbeds. Preliminary analysis of the lines of excavated barrows suggests that the burial grounds were from the beginning preplanned by people of the early cultures and subsequently used according to the linear pattern. The latter probably was related to the roads, trackways and migration routes.

БЫТЬ МАЙКОПСКИМИ ГОНЧАРАМИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

М. Исерлис
Германский археологический институт, Берлин, Германия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-32-34

Ключевые слова: *«майкопский феномен», Лейлатепе, Уст-Джегута, Серёгинское, курган Ошад, технология производства керамики.*

«Майкопский феномен» привлекал и привлекает внимание множества исследователей самых разных научных дисциплин, а также вызывает споры вне стен академических заведений. Его появление зачастую связывают с влияниями и/или связями вне Северного Кавказа (Кореневский 2008; Sagona 2018: 143–203; включая различные мнения и упомянутую литературу). Различные морфологические и технические признаки майкопской керамики служили основой для гипотез о связях северокавказских общин с Южным Кавказом, Передней Азией и Европой. Но по сей день наше представление о технологии самого распространенного и базисного аспекта материальной культуры «майкопского феномена» — керамики — очень фрагментарно и не позволяет вести дискуссию, для которой нужны упорядоченное описание технологии и основанный на нем сравнительный анализ. Стартовавший летом 2017 г. проект ставит своей целью создать базисное сравнительное описание технологии майкопской и лейлатепинской керамики из избранных памятников и организации керамического производства в социо-культурном контексте.

В докладе представлены результаты анализов четырех коллекций, происходящих из поселений Усть-Джегута, Серёгинское и Лейлатепе, а также из кургана Ошад и усть-джегутинских курганов. Проект основан на просмотре автором коллекций керамических изделий из 16 памятников, находящихся в разных географических регионах и ландшафтах

Северного и Южного Кавказа. Работа с каждой коллекцией велась по заранее составленному и корректируемому в процессе работы протоколу. Исследование включает в себя анализ материалов, использованных для производства керамики, и местного сырья для керамического производства. На основе наблюдаемых следов последовательности операций по изготовлению керамики проведен сравнительный анализ керамических технологий разных коллекций.

Настоящий доклад основан на осмотре и регистрации информативных признаков, идентифицированных на фрагментах или целых изделиях из коллекций, и лабораторных анализах 184 изделий.

Рис. 1. Уляп, котел (внутренний диаметр — 81 см), Национальный музей Республики Адыгея (фото М. Исерлис и А. Ройтер)

Исследованная майкопская керамика была изготовлена с использованием лент, иногда дополненных лоскутами. При этом гончары применяли основы-шаблоны, преимущественно для лепки нижней части крупных изделий. Неглубокие параллельные бороздки на венчиках или непосредственно под венчиками были идентифицированы на поверхностях 21 % (n = 82) из 394 осмотренных фрагментов из майкопских коллекций (n = 394). Серии неглубоких бороздок в разных частях мисок и в верхней части пифосов и котлов (рис. 1) идентифицированы на поверхностях 65 % из всех 339 осмотренных или 85 % (n = 219) всех некухонных изделий (n = 258). При этом стенки этих изделий показывают признаки лепки сосудов лентами. Майкопские гончары заглаживали верхнюю часть изделий, иногда применяя то или иное вращающееся устройство, роль которого могли играть фрагменты закругленных стенок других изделий, коврик (рогожа/циновка) или дощечка. На завершающей стадии производства лейлатепинские гончары обрабатывали большую часть керамических изделий на медленном круге. Свидетельством этому служит наличие серий бороздок в разных частях изделий с одной стороны и наличие вмятин и следов скобления/причесывания на стенках многих изделий.

И к югу, и к северу от Большого Кавказа кухонная посуда отличается от других функциональных групп керамических изделий выбором материалов и методами изготовления, а для коллекции каждого памятника характерны местные вариации в технике. При этом подавляющее большинство изделий несет на себе признаки изготовления от руки, без какой-либо обработки на гончарном круге.

И майкопцы, и лейлатепинцы пользовались керамикой, изготовленной на поселениях или в непосредственной близости от них; керамика, произведенная из неместных материалов, редка. При этом всю некухонную глиняную посуду в Лейлатепе производили в двух или в нескольких высокоспециализированных мастерских, использовавших два основных вида глины, отличных от глины для изготовления кухонной посуды. В майкопских же поселениях картина другая: большая часть некухонной посуды произведена в специализированных мастерских, использовавших два основных вида глины, но значительное количество керамики сделано мастерами, использовавшими третий вид сырья, применявшейся и для производства кухонной посуды.

Методичный сбор информации и ее анализ позволяют получить первичное представление о технологических системах IV тыс. до н. э. Керамический комплекс некухонной посуды в Лейлатепе однороден и его производство было сосредоточено в руках узкого круга специалистов. Керамика из майкопских поселений неоднородна, она изготовлена разными

мастерами, отражает различные традиции и очень разные уровни специализации. При определенном сходстве между собой майкопские и лейлатепинские глиняные изделия были произведены в разных социо-культурных системах.

Литература

Кореневский С. Н. 2008. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Мерперт Н. Я., Кореневский С. Н. (ред.). Археология Кавказа и Ближнего Востока. М. С. 71–122.

Sagona A. 2017. The Archaeology of the Caucasus: From Earliest Settlements to the Iron Age. Cambridge.

BEING MAIKOP POTTERS: THE RESULTS OF TECHNOLOGICAL ANALYSIS

Mark Iserlis
German Archaeological Institute, Berlin, Germany

Keywords: *"Maikop phenomenon", Leyla-Tepe, Ust-Dzheguta, Sereginskoe, Oshad kurgan, ceramic technology.*

The appearance of the "Maikop phenomenon" often is connected with influences and/or links beyond the Northern Caucasus. Various morphological and technological features of the Maikop pottery served as a basis of suppositions on the ties between South-Caucasian, Asia-Minor or European communities. This paper presents the results of analyses of the Maikop pottery from Ust-Dzheguta, Sereginskoe settlement and Oshad kurgan in comparison with the assemblage from Leyla-Tepe. Systematic collection of information and its analysis enable the researchers to gain a primary notion on the technological patterns of the 4th millennium BC. The ceramic assemblage of the non-cooking pottery at Leyla-Tepe is fairly homogeneous and its manufacture was concentrated in the hands of specialized potters. The pottery from Maikop settlements is inhomogeneous: it was manufactured by different pottery makers, reflects different traditions and very differing levels of specialization. Notwithstanding a certain similarity between the Maikop and Leyla-Tepe earthenware, it was manufactured within different socio-cultural systems.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОСТАВА И ТЕХНОЛОГИИ ОБРАБОТКИ ЖЕЛЕЗА В III — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э. НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПО ДАННЫМ МИНЕРАЛОГО-ГЕОХИМИЧЕСКИХ АНАЛИЗОВ[1]

М. А. Кулькова*, М. Т. Кашуба, А. М. Кульков***, Н. Л. Моргунова****, М. Н. Ветрова***, М. А. Стрельцов*****, Т. В. Рябкова******, В. М. Саватенков*********, А. Заноч************
** Российский гос. педагогический университет им. А. И. Герцена, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; ** Институт истории материальной культуры РАН; *** С.-Петербургский гос. университет; **** Оренбургский гос. педагогический университет; ***** Российский гос. педагогический университет им. А. И. Герцена; ****** Государственный Эрмитаж; ******* Институт геологии и геохронологии докембрия РАН; ******** Молдавский государственный университет*

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-34-37

Ключевые слова: *железо, бронзовый век, железный век, метеорит, железная руда, естественнонаучные методы.*

Появление технологий обработки металла — «инновация, изменившая мир» (см.: Хансен 2013), способствовала переходу к обществам социальной сложности и появлению

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40063 «Инновационный потенциал железа в III — начале I тыс. до н. э. от Урала до Карпат: сырье, технологии, взаимовлияния».